

Хотя наступила весна Ли Цзинлуна, смерть Сун Чжуна была неизбежна.

С призывом «отомстить за пролитую кровь» Сун Чжун, как пастух, погнал десятки тысяч бывших солдат пекинского гарнизона к пригороду Юнпина.

— Сегодня мы отомстим за ваших жён и детей! — хрипло прокричал он.

Однако Чжу Ди поступил ещё более находчиво. Он собрал войска Пекина, которые сам включил в свою армию, и поставил их в авангард. Когда два войска сошлись в бою и увидели друг друга на расстоянии менее десяти чжанов, все остолбенели от изумления.

И вот, когда фразы «Отец, наша мать умерла?», «Эрбао, твоя мать жива?», «Дядя Ван, моя бабушка ещё жива?» донесли до задних рядов, по спине Сун Чжуна пробежал холодок.

Он последовал нелепой идее своего советника и описал зверства Чжу Ди невероятно жестокими, теперь же ложь была раскрыта. Хотя он и хотел продолжить врать дальше, но не мог выдумать ничего нового, и ему пришлось отдать приказ атаковать любой ценой.

В момент схватки противники, взявшись за руки, весьма оживлённо беседовали, пока Сун Чжун в тылу без устали бил в боевые барабаны. Чжу Цюань, помахивая складным веером, стоял на стене Юнпина и с улыбкой провозглашал громким голосом:

— Князь выступил с войском дабы усмирить смуту и покарать коварных чиновников. Ваши семьи в безопасности, но нынешний императорский двор, показывая на оленя, называет его лошадьё*. Если падёт Пекин, то разве уцелеет яйцо, когда разобьётся гнездо?..

* Показывая на оленя, называть его лошадьё (馬鹿) — обр. выдавать черное за белое, сознательно извращать истину.

— Дранный щенок! Решил в такое время строить из себя ученого*! Дай я сам! — Чжу Ди выругался, схватил Чжу Цюаня за шиворот и оттащил в сторону. Затем, стоя на стене Юнпина, он крикнул в сторону поля боя: — Слушайте сюда! Безмозглые твари! Ваши жёны и дети сейчас в руках у меня, вашего князя! Хотите увидеть отцов и матерей — так развернитесь! Хватайте этого бездаря, которого послал подлый изменник Хуан Цзычэн! Этот князь ручается, что с вашими родными ничего не случится. Все получают чины и щедрые награды, а прошлые проступки будут забыты!

* В оригинале «вешать сумку для книг» (掛書袋); полное выражение — «вешать сумку для книг перед дверью Конфуция (掛孔子書袋) — выставляться знатоком перед мастером, делать вид, будто ты культурный или образованный человек, учить учителя.

— Посмеете открыть рот и призывать к убийству своих братьев, ждите, Лао-цзы тут же истребит ваши семьи!

Южная армия в нерешительности переглядывалась, и тогда северная, заранее получив указания Чжу Цюаня, тревожно закричала:

— Скорее! Переходите к нам! Императором управляет Хуан Цзычэн! Отправляйтесь вместе с нами в Нанкин спасти государя!

Чжу Ди как раз вовремя грозно рыкнул:

— Чего медлите!? Вперёд!

«...»

В тот миг городские ворота распахнулись, и десятки тысяч северных солдат хлынули наружу. Ранее пленённые разбитые войска, узнав, что их семьи в безопасности, уже утратили боевой дух, а поскольку все их родные находились под контролем Чжу Ди, и вовсе не испытывали желания сражаться.

Так самый трагичный в истории полководец Сун Чжун стал свидетелем того, как его собственная армия в мгновение ока перешла на сторону врага, и он просто так потерял почти десять тысяч человек.

Чжу Цюань спрыгнул с городской стены, уверенно приземлился на боевого коня и, выхватив алебарду, помчался вместе с войсками.

Чжу Ди недоверчиво произнёс:

— Лао Шици, разве при таком прыжке не больно яйцам?

Чжу Цюань не расслышал, воспрянул духом и громкий воскликнул:

— Парни с границы!

— О-ох!

В тот миг караул Дояня атаковал с обоих флангов у городских ворот, ответив мощным, как горы и реки, кличем, и ситуация мгновенно переломилась.

После дальнего пути Сун Чжун планировал нанести измотанному штурмом Чжу Ди последний удар, но не ожидал, что противник заранее займёт город Юнпин и будет ждать, когда он сам угодит в западню. Ему оставалось лишь горестно вздохнуть о превратностях судьбы, и, собравшись с духом, принять бой. Однако воинский дух его армии находился в упадке, южное

войско терпело провал за провалом, и их наступление сорвали.

Южная армия отхлынула подобно приливу. Сун Чжун потерпел поражение, был захвачен в плен и доставлен под стражей в Юнпин. Тем не менее, Чжу Ди установил стол для чайной церемонии и почтительно пригласил его присесть.

Чжу Цюань спросил:

— Ли Цзинлун пошёл на Пекин?

— Брат, хочешь, разомну их тебе? — с деловым видом произнёс Чжу Ди.

— Что? — настороженно переспросил Чжу Цюань.

Чжу Ди поспешно замахал руками, улыбаясь, и сказал:

— Господин Сун, ныне во всей Великой Мин нам, братьям, нет соперников. Сегодня вы и сами это лицезрели.

— Двор взрастил кучку книжных червей, которые только и умеют, что дискутировать да сочинять стихи. Разве кто-то из них знает, как воевать? Пусть даже и послали пятисоттысячное войско, они явно отправили солдат в руки этого князя.

Сун Чжун упрямо молчал, а Чжу Ди с сожалением продолжил:

— Если последуешь за Юньвэнем, то хорошей жизни тебе не видать. Если же будешь служить этому князю, я обеспечу тебя в будущем высоким чином и щедрым жалованием. Ты же знаешь, этот князь — человек, не забывающий о старой дружбе...

— Мятежник, смутьян! — Сун Чжун внезапно разбушевался, опрокинул чайный стол и бросился на Чжу Ди, во весь голос крича: — Лучше умереть, чем сдаться! Даже если мне суждено погибнуть, сегодня я возьму тебя с собой!

Чжу Ди мгновенно заслонил собой Чжу Цюаня. Они оба резко отпрянули, но не успели увернуться и были с ног до головы облиты чаем со стола, выглядя довольно жалко.

Чжу Ди ледяным тоном приказал:

— Ладно. Так тому и быть. Ввести людей! Вытащить его и забить палками до смерти!

Чжу Цюань ненадолго замолчал и, видя, что Чжу Ди весь мокрый, почувствовал себя неловко.

Решив сменить тему, он сказал:

— Крепкий орешек, однако. Интересно, каков же сын Ли Вэньчжуна.

Дыхание Чжу Ди немного выровнялось, и он ответил:

— Отправляем войска на помощь Пекину. Теперь всё зависит от твоей четвертой невестки и Гаочи.

Резиденция Пекинского комиссара по гражданским и финансовым делам превратилась в штаб. Бесконечные потоки военных донесений извне поступали к Яо Гуансяо, а Сюй Вэнь в соседней комнате, подперев голову одной рукой и сжимая верительную бирку в другой, дремала при свете лампы.

Издали донёсся приглушённый шум битвы, и глухой звук пушечного выстрела внезапно разбудил Сюй Вэнь. Она вышла из зала.

— Почему уже стреляют из пушек? — спросила Сюй Вэнь. — Где Гаочи?

Яо Гуансяо ответил:

— Руководит боем у городских ворот.

— Докладываю! — вестовой стремительно спешил и, преклонив колени, сказал: — Докладываю Ванфэй и мастеру Дао Яню: южная армия ведёт ожесточенное наступление! Лично прибыл вражеский военачальник Цюй Нэн. Сын князя просит отступить к воротам Чжанье и оставить Восточные ворота!

Яо Гуансяо, глубоко вздохнув, произнес:

— Поджог провизии не вынудил Ли Цзинлуна отступить для защиты лагеря?

Сюй Вэнь ответила:

— Боюсь, это потому, что у них осталось совсем мало запасов продовольствия. Вы не виноваты.

Яо Гуансяо с беспокойством произнёс:

— Ванфэй, Восточные ворота сдавать нельзя! Ворота Чжанье — последняя линия обороны. Если основные силы Ли Цзинлуна пойдут на штурм, мы точно их не удержим.

Сюй Вэнь ненадолго задумалась, затем ответила:

— Передайте приказ: пусть поступают по указанию сына князя.

После того как гонец ушёл, Сюй Вэнь добавила:

— Цюй Нэна рекомендовал ещё Тан Хэ из предыдущей династии. Он любит рискованные ходы. То, что сейчас сосредоточили огонь на Восточных воротах, наверняка его идея.

— Ли Вэньчжун не из его фракции. Если падут ворота Чжанье, то мы полностью потеряем Пекин. Ли Цзинлун с вероятностью восемь десятых отзовёт Цюй Нэна, чтобы тот не перехватил заслуги. Тогда-то мы воспользуемся моментом, пока одна армия отступает, а другая приходит ей на смену, соберём все войска города и ударим из ворот Чжанье.

Яо Гуансяо пришел в ужас и выдохнул:

— Ванфэй, этот ход слишком... рискованный. А если Ли Цзинлун не поддастся жажде славы?

Сюй Вэнь холодно ответила:

— Обязательно поддастся. Мастер Дао Янь, распорядитесь доставить пушки и установить их за воротами Чжанье. Под покровом ночи зарядите ядра и ждите моего приказа. Когда настанет время, все вместе откройте огонь по тому месту, и мы обязательно отобьем Восточные ворота.

Яо Гуансяо сказал:

— Остановить их при помощи отвлекающего манёвра... пожалуй, возможно...

Сюй Вэнь промолвила:

— Поэтому нам нужны люди, много людей.

Сюй Вэнь и Яо Гуансяо разделились для выполнения задач. В полночь Сюй Вэнь отдала приказ поднять всех женщин, детей и стариков города, возглавила десятки тысяч человек, собравшихся у ворот Чжанье, и распорядилась раздать им оружие и факелы. Когда всё было готово, большинство жителей Пекина с тревогой прислушивались к пушечным залпам, доносившимся из-за стен внутреннего города.

Бум! Бум! Грохот следовал за грохотом, пока бесконечный поток раненых солдат непрерывно доставляли внутрь.

— Если падут ворота Чжанье, Пекину конец! — громко кричала Сюй Вэнь. — Сейчас решающий момент. Некогда думать о войнах, мы и есть воины! Если враг прорвёт ворота внутреннего города, мы все вместе с армией пойдём в атаку!

Цюй Нэн яростно наступал, как вдруг пушечная канонада прекратилась.

В тишине ночи слышны были лишь стоны раненых солдат. Сердце Сюй Вэнь колотилось, как барабан. Сидящего в открытом паланкине Чжу Гаочи внесли внутрь.

— А где младший брат? — спросил он.

Сюй Вэнь, не отрывая взгляда от ворот внутреннего города, рассеянно ответила:

— Вывезли за город.

Гаочи замер. Сюй Вэнь нежно улыбнулась и сказала:

— Сердишься на мать за несправедливость? Мать пришла умирать вместе с тобой.

Гаочи пошутил:

— А я только что подумал, что ты сбежала вместе с младшим братом...

Сюй Вэнь фыркнула:

— Весь в отца.

— Отступаем! — снаружи напряжённо прокричали.

— Долго не продержимся, Гаочи, отходи назад, мать останется здесь и прикроет, — сказала Сюй Вэнь.

Однако город ещё не пал, а защитники у ворот уже пропустили одного покрытого пылью с головы до ног человека — это был Тоба Фэн.

Он с первого взгляда заметил в море людей Сюй Вэнь, подскочил поближе и, не обмолвившись ни словом, выпалил:

— Дай мне десять тысяч солдат!

Сюй Вэнь обрадовалась и воскликнула:

— Ты вернулся как раз вовремя! Сейчас дам двадцать тысяч! Рыночная цена!

Тоба Фэн не стал ничего объяснять, лишь отошёл в сторону и наклонил голову, чтобы зализать рану на плече. В его глазах читалось ожидание, словно у дикого волка, готовящегося к рывку.

— Сходи в княжескую резиденцию и принеси мой меч Сючунь, — равнодушно приказал Тоба Фэн одному из солдат.

Чжу Гаочи спросил:

— Старший брат, ты сейчас будешь убивать?

Тоба Фэн не ответил. За городскими воротами повисла гробовая тишина. Тоба Фэн поднял голову, взглянул на луну и с удивлением произнёс:

— Почему Ли Цзинлун не штурмует город?

Сюй Вэнь продолжила давать указания:

— После того, как выйдешь из города, если южная армия начнет отступать, Фэн-эр, ни в коем случае не принимай капитуляцию. Обязательно прорывайся с боем и гони их, пока они не сбегут из Пекина.

Тоба Фэн кивнул.

Чжу Гаочи смотрел на татуировку на затылке Тоба Фэна, и в нём рождалось беспокойство.

Это была голова свирепого волка.

Ли Цзинлун действительно отозвал Цюй Нэна, но сначала, по зову природы, ему нужно было справиться с нуждой. Остальное могло подождать.

Цюй Нэна отозвали прямо с поля боя, и его гневу не было предела. Он ворвался в шатёр и закричал:

— Главнокомандующий! Благоприятный момент быстротечен, нельзя больше медлить!

Стражник поспешил преградить путь:

— Главнокомандующий занимается... «тем самым», прошу господина Цюя немного подождать.

Цюй Нэн пришёл в ярость:

— Что ещё за «то самое»!

Стражник обтекаемо ответил:

— Именно «то самое». Прошу господина Цюя ни в коем случае не входить...

Цюй Нэн, услышав доносящиеся звуки, наконец понял, что же это за «то самое».

Битва на носу, Пекин можно взять в любой момент, всего один шаг до захвата ворот Чжанье, и в тот миг, когда огромная армия должна была триумфально занять Пекин, Ли Цзинлун вдруг отозвал командующего с передовой, а сам отправился заниматься «тем самым»?!

Это что такое?!

— Господин Цюй! Большая беда! Лагерь в тылу охвачен огнём!

И снова какая-то катастрофа. С тех пор как он отправился в поход с этим Ли Цзинлуном, ничего не шло гладко. Цюй Нэн, вне себя от ярости, с силой швырнул меч на землю и закричал:

— Пять тысяч солдат, за мной! Возвращаемся тушить пожар! Здесь нам больше нечего ловить! Пусть делают что хотят!

И тогда Цюй Нэн развернулся и ушёл.

К тому времени, когда Ли Цзинлун благополучно завершил своё великое дело и с бледным лицом вышел, Цюй Нэна уже и след простыл.

Ли Цзинлун тяжело вздохнул и скомандовал:

— Штурмовать город!

Ли Цзинлун сосредоточил силы, бросив все свои сто тысяч солдат на Восточные ворота Пекина. Непрерывно прибывали потоки войск второго эшелона.

В тот миг, когда городские ворота распахнулись, сто пушек Хунью грянули с оглушительным

грохотом, потрясающим небо и землю. Тоба Фэн со стальной саблей в руке бросился вперёд, возглавив атаку!

Он проявил невероятную отвагу и повёл за собой войска княжеской резиденции, собранные Сюй Вэнь. Словно острый клинок, они врезались во вражеские ряды. Ворота Чжанье широко распахнулись, повсюду внутри полыхали факелы, заливая полнеба заревом. Многие женщины забрались на городские стены, поднимали бамбуковые корзины и швыряли камни, черепицу и прочее.

Ли Цзинлун, увидев, что численность противника приближается к двум-трём сотням тысяч, не мог различить, где регулярные войска, а где ополченцы. Воздух наполняли лишь боевые кличи, заглушавшие даже пушечные залпы. Вражеский командующий поднял большое знамя с иероглифом «Сюй», сокрушая его силы, которые не могли оказать достойного сопротивления.

У Ли Цзинлуна разболелись и живот, и голова. Он поспешно отдал приказ:

— Временное отступление! Переходим на дальний обстрел из пушек! Избегайте ближнего боя с врагом!

Едва приказ был отдан, как главные силы начали разворачиваться, и тыловые части стали авангардом. Управлять такой огромной наступающей армией было изначально сложно, но вдруг с тыла прибыл гонец с донесением:

— Докладываю: с запада прибыло вражеское подкрепление, несут знамена Янь-вана.

Когда Ли Цзинлун услышал, что Чжу Ди возвращается на подмогу, от испуга у него чуть не порвались штаны.

— Как это произошло?! — в ужасе воскликнул Ли Цзинлун, его душа ушла в пятки.

Ли Цзинлун завопил:

— А где господин Сун?! Как мятежники могли добраться сюда!

Ли Цзинлун, держась за живот, непрерывно стонал, а его подчинённые и вовсе растерялись.

— Вы... вы все, уйдите сначала! — Ли Цзинлун внезапно изменился в лице. Он выглядел крайне странно и в панике искал место, где бы можно справить нужду.

В то же время.

— Младший шурин! — Саньбао в тревоге метался в бушующем пламени и без остановки кричал.

Юньци выдохнул:

— Здесь я, здесь...

Испуганная лошадь заржала, вздыбившись, и помчалась на Юньци сзади!

Саньбао, сжимая в руках кинжал, взмахнул им в воздухе. Там, где прошёл серповидный клинок, рослый конь был разрублен надвое. Саньбао отбросил обе половины в сторону, и с лезвия дождём хлынула кровь.

— Младший шурин! Уходим скорее! — Саньбао вздохнул с облегчением и подбежал ближе.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Армия всё ещё сражается на передовой, куда же нам бежать?

Саньбао воскликнул:

— Мы обречены! Бежим скорее!

Однако Юньци ни капли не испугался. Смотря в сторону далёкого Пекина, он насмешливо произнёс:

— Если уж бежать, так в сторону противника. Давай сначала посмотрим, как идут дела на поле боя.

Но у Юньци были другие планы. Хотя Ли Цзинлун был никудышным полководцем и в обычных обстоятельствах определённо не мог бы тягаться с его старшей сестрой, однако эти пятьсот тысяч человек были поистине несметной силой. Они накатывали всем скопом, словно муравьи, и их невозможно было перебить всех. Юньци впервые видел такое сражение. А что, если Ли Цзинлун победит?

Если южная армия одержит победу, Сюй Вэнь, Тоба Фэн и другие точно не спасутся, их непременно захватят в плен. И тогда его должность армейского инспектора станет чрезвычайно важной. Не говоря уже о том, чтобы сохранить жизни Тоба Фэну, Сюй Вэнь и остальным, можно воспользоваться суматохой и тайно отпустить пленных.

Юньци уже всё продумал и лишь надеялся, что не случится худшего.

Саньбао, прикрывая Юньци, напряжённо следил за далёким полем боя, и только когда на западе поднялись княжеские знамёна братьев Чжу Ди и Чжу Цюаня, господин и слуга по-настоящему успокоились.

Юньци уже собирался что-то сказать, как вдруг в тылу южной армии, осаждавшей ворота Чжанье в Пекине, начался хаос, а затем — полный разгром. Тысячи войск бросились бежать на равнину!

— Не... не может быть. — Юньци не мог поверить своим глазам.

Как только обозначились признаки поражения, сотни тысяч южных войск обратились в бегство. Авангард ещё сражался насмерть, а тыловые части уже охватила паника, и они рассыпались по дикой местности.

Чжу Ди повёл войска в яростную атаку, как раз навстречу бегущим разбитым солдатам.

А Чжу Цюань, возглавляя другой отряд, устремился на штурм лагеря южной армии!

— Бежим скорее! — тревожно воскликнул Юньци.

Армия была разбита, словно рухнувшая гора, и теперь действительно пришло время бежать, иначе посреди ночи его могли зарубить свои же, а это было бы обидно.

Однако, пока Юньци и Саньбао неслись сломя голову, в его сердце всё ещё копилось недоумение.

Неужели Ли Цзинлуна настолько плох в командовании? На передовой ещё штурмуют город, а в тылу уже не могут контролировать своих людей?

За стенами Пекина боевые кличи потрясали небо, поле было усеяно брошенными трупами. У городских ворот ещё сражались сто тысяч человек, в то время как за их пределами дезертиры снимали оружие и доспехи, создавая самую впечатляющую сцену войны в истории.

Юньци не знал, что Ли Цзинлун не столько не мог контролировать своих подчинённых, сколько вовсе не пытался это делать.

Потому что Ли Цзинлун и сам бежал.

Ослеплённый яростью, Тоба Фэн объединился с войсками Чжу Цюаня, получил командование над караулом Дояня и принялся преследовать отступающих солдат, словно вырвавшийся на свободу зверь, не поддающийся контролю. Он гнал южную армию более десяти ли и лишь на рассвете остановился, собрал пленных и лично допросил каждого.

Среди них оказалось несколько лиц, которых Тоба Фэн когда-то видел.

— А где ваш армейский инспектор Сюй?

— Где Сюй Юньци?

— Где заместитель командира Цзиньивэй Сюй?

Пленные в недоумении переглядывались. Они не знали, куда подевался Юньци. Тоба Фэн долго их расспрашивал, а затем в ярости взревел:

— Где Сюй Юньци?!

Заместитель генерала в испуге растерялся и поспешно произнёс:

— Генерал Тоба...

— Всех казнить! — неистово закричал Тоба Фэн. — Казнить!

Тоба Фэн изо всех сил пытался подавить в себе жажду убийства. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул и постепенно успокоился.

Тоба Фэн заложил руки за спину и слегка расставив ноги, стоя за пределами лагеря южной армии. Истинная ци Тайцзи внутри него совершила полный оборот, изгоняя тревогу и раздражение.

Взошло солнце, и красный свет разлился по земле.

Тоба Фэн открыл глаза и равнодушно распорядился:

— Не убивайте, отпустите их.

Заместитель генерала замер от страха. Он заикаясь произнёс:

— Их уже... уже казнили.

Тоба Фэн развернулся, поднял меч Сючунь и бросил:

— А, тогда пришейте головы обратно.

«...»

— Передайте приказ: братья, сначала позавтракайте, а после еды продолжим преследование.

Юньци приложил руку к шее тела Цюй Нэна, немного подумал и сказал:

— Его не спасти. Саньбао, найди и принеси большое знамя генерала Цюя.

Саньбао сделал, как было сказано. Юньци добавил:

— Мы двинемся на юг и по пути соберём разбитые войска. Посмотрим, кому можно их передать, а потом решим, что делать дальше.

Лицо Саньбао выражало крайнюю неуверенность, и Юньци спросил:

— Что? Не хочешь помогать людям императорского двора?

Саньбао ответил:

— По-моему, лучше дать им самим выживать или бежать.

Юньци улыбнулся:

— Так не пойдет. Ни в коем случае нельзя позволить им беспорядочно бежать.

— Неизвестно, жив Ли Цзинлун или мёртв, но гибель главнокомандующего и бегство подчинённых — великое табу. По Великому кодексу Мин* за это казнят родственников до девятого колена, — объяснил Юньци. — Этих солдат дома ждут жёны и дети, все в столице. Как только с фронта поступит военное донесение, будь то дезертирство или переход на сторону врага, пострадают их семьи. Так что лучше умереть на поле боя, чем спасовать.

* Великому кодексу Мин (□□□) — основной свод законов династии Мин.

Саньбао лишь кивнул, поднял знамя, и разбитые солдаты вдали, увидев большой флаг с иероглифом «Цюй», один за другим стали собираться вокруг Юньци и Саньбао.

Юньци продолжил:

— Если бы командовала моя старшая сестра, она бы точно приказала не принимать капитуляцию и перебить всех разгромленных южан. Тогда их семьи могли бы получить

награды как родные павших героев. Здесь пятьсот тысяч человек. Если пострадают их семьи — это уже два миллиона жизней. Поэтому мы должны их спасти.

Небо полностью прояснилось, Юньци и Ма Саньбао собрали разбитые войска и стали отступать на юг. К этому времени дезертиры уже метались, как мухи без головы, и, услышав, что судьба главнокомандующего Ли Цзинлуна неизвестна, вынуждены были слепо следовать за Юньци.

Когда собралось почти десять тысяч человек и сформировался отряд, Юньци созвал всех командиров пятерок и других офицеров, чтобы распределить между ними контроль над армией. Затем он приказал всем без исключения оставить лошадей и идти пешком. Было велено снять армейские сапоги, привязать их горизонтально или вертикально к подошвам и начать отступление.

— Разделимся на два отряда: один пойдёт вдоль реки. На берег выходить нельзя, ступайте только по мелководью.

— Другой отряд последует за мной. Встретимся в верховьях реки и отправимся в Дэчжоу.

Саньбао с сомнением спросил:

— Зачем это?

Юньци спокойно ответил:

— Дезертирство тоже требует определенного мастерства. В ведении боя этот молодой господин не силен, зато в бегстве — большой знаток.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326093>